

Мируко

— Я... Я... —

Мируко попытался представиться, но внезапно осознал, что не подумал, как именно следует назвать себя, и застыл.

Имя «Мируко», наверное, не стоило произносить вслух.

Это имя ребёнка, брошенного родителями.

Ребёнку, бросившему родителей, не пристало носить такое имя.

Он это понимал, но Мируко просто не подумал.

Если оправдываться — он не ожидал, что так скоро встретит кого-то, кроме себя самого.

— Слушай, парень. До моей деревни отсюда дня четыре пешком. С этим... Сигурдо, может, и того дольше. В общем, времени у нас предостаточно. Давай не спеша поговорим.

Мужчина... Вилл погладил спутанные рыжие волосы Мируко, который застыл, опустив голову, словно распутывая их, и сказал это.

Если бы Мируко смог осознать всю доброту и смысл, вложенные в эти слова, — но нет, это было не так.

Просто это было бременем.

Большим, чем сам Мируко думал, было его существование.

— Я... Я... —

В конце концов, заливаясь слезами и всхлипывая, Мируко рассказал о себе.

Он не хотел жалости.

Мируко не считал себя жалким, он не думал, что его положение заслуживает сочувствия.

Просто ему хотелось сбросить это бремя — самого себя.

— ...Ты молодец.

Вилл, поглаживая Мируко по спине, произнёс лишь одно это слово.

Он не мог сказать ничего другого.

Слишком печальную и тяжёлую ношу, которую должен нести десятилетний ребёнок, этот малыш взвалил на себя в три года.

Вилл слишком хорошо знал, что аристократы исповедуют культ призыва.

Детей, брошенных из-за плохого качества призыва, наверняка было немало и помимо Мируко.

Но даже так он продолжал отворачиваться, говоря себе, что не видел этого своими глазами, — и вот перед ним этот ребёнок.

Этот ребёнок — воплощение грехов взрослых.

— Ты держался до десяти лет — молодец.

Вилл не мог представить, с какими чувствами Мируко жил все семь лет.

Даже если рядом был Серый Слизь, слизь не умеет говорить.

Хотя он и выражал свои чувства действиями, но человек и слизь — разные расы.

Наверняка оба испытывали стресс от того, что не могли понять друг друга.

— И с днём рождения.

Вилл понимал, что слова постороннего, которого он встретил только сегодня, не развеют тоску Мируко.

Но всё равно хотел сказать это.

Хотел сказать это ребёнку, которого не поздравляли с четырёх лет.

Это всего лишь самоудовлетворение.

Подарка нет.

Но Вилл произнёс это от всей души.

— У... уу... уууу...!

Уткнувшись лицом в грудь Вилла, Мируко заплакал.

Из-за того, что приходилось следить за монстрами, он мог издавать только приглушённые звуки, но впервые в жизни плакал вслух.

Это был момент, когда его измятое сердце понемногу начало возвращаться в прежнюю форму.

<http://bllate.org/book/17954/1725559>